

В диссертационный совет ПДС 0900.009
при федеральном государственном
автономном образовательном учреждении
высшего образования «Российский
университет дружбы народов имени
Патриса Лумумбы»
117198, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая,
д. 6

ОТЗЫВ
официального оппонента на диссертацию
на соискание ученой степени доктора юридических наук
по специальности 5.1.3. Частно-правовые (цивилистические) науки
Новиковой Татьяны Васильевны на тему «Формирование и развитие
принципа автономии воли в коллизионном регулировании гражданских
отношений, осложненных иностранным элементом»

Актуальность темы. Тема диссертационного исследования Т.В. Новиковой имеет непреходящее значение как в теоретическом, так и в практическом отношении. Автор верно отмечает, что начав развитие в области договорных обязательств трансграничного характера, автономия воли получила стремительное прогрессивное развитие как с точки зрения охвата правовых отношений (например, на основании раздела VI ГК РФ для вещных прав на движимые вещи, договорных и внедоговорных обязательств), так и с точки зрения объема предоставляемых сторонам возможностей (например, последующий выбор, депесяж и др.) в подавляющем большинстве юрисдикций.

В русле международного тренда в международном частном праве Российской Федерации автономия воли участников гражданских отношений, осложненных иностранным элементом, получила значимое развитие в результате реформы законодательства о международном частном праве в 2013 г., конкретизировавшей исследуемый принцип в многоуровневой системе согласованных норм, а также в свете разъяснений Пленума Верховного Суда РФ в 2019 г., придавших новый импульс в применении норм международного частного права отечественными судами. В свете

изложенного актуальность темы исследования обосновывается автором по целому ряду направлений: в аксиологическом, социальном, экономическом, законотворческом и правоприменительном планах.

Достоверность и новизна результатов диссертации. Научная новизна исследования состоит в том, что впервые в отечественной науке международного частного права разработана целостная концепция автономии воли как элемента бинарной системы принципов коллизионного регулирования, дихотомически разделяющейся на принцип автономии воли (конкретизируемый в многоуровневой системе управомочивающих норм, предоставляющих сторонам в определенных случаях и в установленных пределах возможность выбрать применимое право) и принцип наиболее тесной связи (конкретизируемый в коллизионных нормах, а в их отсутствие служащий непосредственно инструментом решения коллизионного вопроса).

В контексте данной концепции обоснована авторская модель автономии воли, в которой разграничены ее статика (существование) и динамика (реализация) в механизме коллизионного регулирования: в статике – в разрезе правотворчества – речь ведется о системе управомочивающих материально-правовых норм, а в динамике – в разрезе правоприменения – о соглашении сторон о применимом праве как результате реализации предоставленного им дозволения. Оба измерения в совокупности позволяют материально-правовыми средствами достигнуть цели коллизионного регулирования. Достоверность результатов диссертации подтверждается применением проверенных юридической наукой методов исследования, глубиной теоретической проработки на основе анализа широкого спектра доктринальных и нормативных источников, а также правоприменительной практики, практической применимостью полученных результатов исследования.

Степень обоснованности научных положений, выводов и рекомендаций, сформулированных в диссертации. Изложенные в диссертации выводы и рекомендации полностью обоснованы тщательно и скрупулезно проведенным автором исследованием, построенным в

соответствии с логически выверенной структурой. Диссертация включает введение, пять глав, охватывающих пятнадцать параграфов, заключение и список литературы. **Глава первая** «Социально-правовые предпосылки формирования, нормативное отражение и особенности доктринального осмысления автономии воли как принципа коллизионного регулирования в международном частном праве», включающая три параграфа, адресуется ключевым концептуальным аспектам принципа автономии в международном частном праве.

Глава вторая «Генезис и ведущие концептуальные подходы к пониманию автономии воли как принципа коллизионного регулирования в зарубежной доктрине международного частного права», включающая три параграфа, исходит из того, что если оценивать автономию воли в плоскости частного права в самом общем виде как проявление активности участников оборота, направленное на достижение какой-либо цели, то в разрезе коллизионного регулирования это значит, что непосредственно волевые действия участников трансграничных отношений, а в более отдаленной перспективе – их намерения и потребности, в той или иной мере могут оказывать влияние на решение коллизионного вопроса. **Глава третья** «Ключевые проблемы закрепления и развития автономии воли как принципа коллизионного регулирования гражданских отношений, осложненных иностранным элементом», включающая три параграфа, посвящена исследованию той парадигмы международного частного права, его норм и принципов, включая коллизионные, в которую следует вписывать исследуемый принцип автономии воли.

Глава четвертая «Автономия воли в механизме правового регулирования гражданских отношений, осложненных иностранным элементом», включающая три параграфа, исследует принцип автономии воли в динамике его реализации и «внешнего» взаимодействия на поле коллизионного регулирования с учетом ограничений применения иностранного права и приоритета унифицированного материально-правового регулирования в международном частном праве. **Глава пятая**

«Практические аспекты реализации автономии воли в коллизионном регулировании гражданских отношений, осложненных иностранным элементом» тестирует предложенную автором модель автономии воли, в которой разграничиваются ее статика (существование) и динамика (реализация) в механизме коллизионного регулирования гражданских отношений, осложненных иностранным элементом.

Ценность для науки и практики результатов работы.

Теоретическая значимость работы выражается в обосновании целостной концепции и авторской модели автономии воли как элемента бинарной системы принципов коллизионного регулирования, который наряду с принципом наиболее тесной связи, построенным на симбиозе территориальной локализации и избранных материально-правовых соображений, обеспечивает сугубо материально-правовыми средствами достижение цели коллизионного регулирования – выбор применимого права для гражданских отношений, осложненных иностранным элементом. *Практическая значимость работы* состоит в возможности использования полученных результатов в правоприменительной деятельности при решении коллизионного вопроса, прежде всего, судом для определения права, применимого к гражданскому отношению, осложненному иностранным элементом. Выводы по результатам анализа практических аспектов реализации автономии воли в коллизионном регулировании могут использоваться для корректной оценки судом соглашений сторон о выборе материального права. Не меньшее значение результаты исследования могут иметь и для международного коммерческого арбитража, в том числе локализованного в Российской Федерации, с учетом особенностей его деятельности, получивших отражение в работе.

Наиболее важными выводами автора, сформулированными на основе проведенного им анализа доктринальных, нормативных и правоприменительных источников, являются следующие:

1) разработана целостная концепция автономии воли как элемента бинарной системы принципов коллизионного регулирования, дихотомически

разделяющейся на принцип автономии воли и принцип наиболее тесной связи. В этой связи обосновано рассмотрение принципов коллизионного регулирования как бинарной системы, включающей два объективно необходимых и в совокупности достаточных для достижения целей системы элемента. Определяющим фактором, обусловившим дихотомическое деление *принципов*, выступает субъект, которому доверено или на которого возложено решение коллизионного вопроса – цель, которая определяет внешнюю обособленность и внутреннюю гомогенность рассматриваемой системы;

2) предложена авторская концептуальная модель автономии воли, которая в отличие от иных накопленных отечественной наукой международного частного права подходов к пониманию правовой природы автономии воли разграничивает ее статику (существование) и динамику (реализацию) в механизме коллизионного регулирования гражданских отношений, осложненных иностранным элементом. В статике – в разрезе правотворчества – речь ведется о многоуровневой системе управомочивающих материально-правовых норм, а в динамике – в разрезе правоприменения – о соглашении сторон о применимом праве как результате реализации предоставленного им дозволения. Оба измерения в совокупности позволяют материально-правовыми средствами достигнуть цели коллизионного регулирования;

3) обосновано, что соглашение о применимом праве представляет собой соглашение *sui generis* и не выступает сделкой по смыслу ст. 153 ГК РФ в той мере, в какой оно не нацелено на установление, изменение или прекращение гражданских прав и обязанностей. Такое соглашение регламентируется, в том числе в вопросах формы, непосредственно и исключительно специальными нормами, которые санкционируют автономию воли сторон гражданских отношений, осложненных иностранным элементом. В свете современного гибкого стандарта соглашений о праве, допускающего взаимозаменяемые прямо выраженные и «подразумеваемые» соглашения, выводимые из позиций представителей

сторон в процессе, ссылок в тексте договора на отдельные гражданско-правовые нормы и даже наличия соглашений о применимом праве между теми же лицами, но в иных договорах, аргументировано, что само понятие «форма» является условным для такого рода соглашений;

4) доказано, что признание автономии воли, по меньшей мере для договорных отношений, осложненных иностранным элементом, не зависит ни от принадлежности к той или другой правовой семье, ни от специфики школ коллизионного права, ни даже от санкционирования этой возможности на каком-то официальном уровне. Выявлено, что признание реального волеизъявления сторон стало следствием фикции о коллизионном значении воли подразумеваемой. Анализ же дальнейшего развития доказал, что суды устойчиво признают соглашения сторон о применимом праве, опираясь скорее на здравый смысл, нежели на какие-либо официальные санкции. Последнее, вместе с тем, не исключает различий в конкретных правилах реализации автономии воли, что иллюстрировано различием в подходах в рамках стран общего права: от предельно либерального стандарта, в русле традиции стран континентального права, в Великобритании до весьма ограниченного, в свете специфической концепции правительственного интереса, во многих штатах США;

5) заявлен тезис о том, что концептуально коллизионный (предварительный) вопрос имеет место в механизме правового регулирования всякого частного отношения, и обосновано различие в методике определения сферы действия разделяющихся дихотомически принципов наиболее тесной связи и автономии воли. Сфера реализации принципа наиболее тесной связи и выражающих его коллизионных норм определена положительно – через попытку поименовать категории отношений, осложняемых какими-то иностранными элементами. В этой связи разграничены представления о круге потенциально возможных иностранных элементов и об иностранном элементе, имеющем коллизионно-правовое значение в конкретном случае. Первый, как правило, упоминается в вводных статьях законодательства о международном частном праве и

преследует цель в общих чертах описать предмет его воздействия, а второй непосредственно влечет постановку коллизионного вопроса и в этом смысле может иметь юридическое значение только в силу определенной коллизионной нормы.

Подтверждение опубликования основных результатов диссертации в научной печати. Основные результаты диссертационного исследования опубликованы автором в трех монографических работах; в научных статьях в изданиях из Международных баз цитирования (3 публикации); в научных статьях в изданиях, индексируемых в RSCI (9 публикаций); в научных статьях в изданиях из перечня ВАК (20 публикаций); в материалах научных конференций (18 публикаций) и других изданиях (1 публикация).

Соответствие содержания автореферата основным положениям диссертации. Автореферат (объемом 48 стр.) по содержанию полностью соответствует основным положениям диссертации (объемом 491 стр.).

Замечания по работе. Отмечая высокий уровень диссертационного исследования, нельзя не поставить перед автором ряд вопросов и отметить следующие замечания к работе:

1) Во втором параграфе первой главы исследования (стр. 83) автор предлагает разграничить два этапа существования и реализации автономии воли, а именно: (1) правотворческий – в виде управомочивающих материально-правовых норм, и (2) правоприменительный – в виде соглашения сторон о выборе права. Однако не возникает ли в рамках этой модели внутреннего противоречия при попытке квалифицировать само соглашение о выборе права? Так, автор, с одной стороны, настаивает на том, что это соглашение не является обычной гражданско-правовой сделкой (в смысле положений статьи 153 ГК РФ), поскольку оно не направлено непосредственно на установление, изменение или прекращение гражданских прав и обязанностей, а имеет особый предмет – избрание применимого правопорядка. С другой стороны, если соглашение о выборе права не есть сделка в смысле национального гражданского права, то каков его

юридический режим, в частности, в отношении условий действительности (включая пороки воли, заблуждение, обман), формы, возможности одностороннего отказа или изменения и т.д. Получается, что если соглашение о выборе права признается явлением *sui generis*, то какую именно юридическую природу автор предлагает для него?

2) В первом параграфе третьей главы автор высказывает идею, что, в целом, не поддерживает отнесение к принципам международного частного права общих принципов международного права (например, запрещение применения силы и угрозы силой, мирное разрешение международных споров, суверенное равенство государств, а также общих принципов права, признанных цивилизованными нациями по смыслу пункта 1(с) статьи 38 Статута Международного Суда ООН) (стр. 215). Так, основным аргументом автора является следующий: указанные принципы касаются прежде всего межгосударственных, а не частноправовых отношений, осложненных иностранным элементом, и поэтому они не способны выступать «средствами правового регулирования частных отношений». Фактически на стр. 228 диссертации автор приходит к выводу об их «нежизнеспособности в поле специального правового воздействия на предмет именно международного частного права».

Однако как в таком случае быть с общепризнанным в доктрине и практике положением о том, что оговорка о публичном порядке (статья 1193 ГК РФ) позволяет отказать в применении иностранного права, если его последствия «явно противоречили бы основам правопорядка (публичному порядку) Российской Федерации»? Не являются ли те самые «основы правопорядка» во многом фундаментальными принципами международного права, которые автор исключает из числа принципов международного частного права. Не возникает ли здесь противоречия: автор ставит под вопрос отнесение общих принципов международного права (например, недискриминации или уважения прав человека) к специальному виду принципов международного частного права, но при этом именно на них (через механизм публичного порядка) суды будут ссылаться, чтобы

заблокировать применение иностранного права? Если эти принципы «не способны выступать средствами правового регулирования частных отношений», то как объяснить их реальное использование в правоприменительной практике при рассмотрении частноправовых споров с иностранным элементом?

3) В первом параграфе четвертой главы исследования автор обоснованно утверждает, что при отсутствии выбора права сторонами должен применяться принцип наиболее тесной связи как универсальный принцип коллизионного регулирования. Однако далее на стр. 292 диссертации автор категорически отрицает возможность применения в коллизионном праве в развитие принципа наиболее тесной связи аналогии закона и аналогии права (как они закреплены в статье 6 ГК РФ). Вместе с тем возникает вопрос, не приведет ли такая позиция к неразрешимым пробелам в правовом регулировании отношений, осложненных иностранным элементом, в ситуации когда ни одна из существующих коллизионных норм не подходит напрямую к отношению, а принцип наиболее тесной связи даже в его широком, обогащенном материально-правовыми соображениями понимании, оказывается недостаточным для определения применимого правопорядка?

Например, в ситуации, когда «территориальные связи» отношения многозначны и примерно равновесны, а «материально-правовые факторы» также не позволяют прийти к однозначному решению. Получается, что суд в условиях многозначных или разорванных связей вынужден либо произвольно выбрать один из нескольких территориально близких правопорядков, либо – вопреки позиции автора – все же прибегнуть к некоему подобию аналогии, но уже без формального на то основания. Не создает ли категорическое отрицание аналогии закона и аналогии права в коллизионном регулировании риск появления «коллизионных пробелов», которые принцип наиболее тесной связи (даже в широком смысле) не в состоянии заполнить?

4) На стр. 318-330 диссертации автор последовательно отстаивает тезис о том, что правило пункта 1(a) статьи 1 Венской конвенции о договорах международной купли-продажи товаров не является коллизионной нормой в смысле международного частного права, а лишь разграничивает коллизионный и унифицированный материально-правовой методы. Однако если признать это положение Венской конвенции исключительно «разграничивающим», то как быть с ситуацией, когда коммерческие предприятия сторон находятся в государствах – участниках Венской конвенции, но при этом стороны в договоре, руководствуясь автономией воли сторон, явно выбрали применимым право государства, не участвующего в Венской конвенции, либо право, которое содержит иные материально-правовые нормы?

Не означает ли в данном случае подход, предложенный автором, что суд в этой ситуации все равно будет обязан применить Венскую конвенцию в силу ее приоритета (часть 4 статьи 15 Конституции РФ, пункт 3 статьи 1186 ГК РФ), фактически игнорируя явно выраженную автономию воли сторон? Если же автономия воли в данном случае должна превалировать, то не приходится ли признать, что пункт 1(a) статьи 1 Венской конвенции все-таки выполняет функцию коллизионной нормы (пусть и особого рода), поскольку именно она определяет, уступает ли выбор сторон действию унифицированных материально-правовых норм? Каково решение этой коллизии между принципом автономии воли и императивным применением международного договора (разумеется, если стороны международного коммерческого отношения не исключили применение Венской конвенции к своим отношениям)?

5) На стр. 414-421 диссертации автор указывает на противоположные подходы в практике МКАС при ТПП РФ к толкованию формулировок в соглашении о применимом праве, а именно: словосочетание «законодательство Российской Федерации» в одних случаях арбитраж понимает как исключаящее применение международных договоров (ограничиваясь национальным законодательством), в других же случаях –

как охватывающее правовую систему в целом, включая и национальное законодательство, и международные договоры. Может ли автор, исходя из проведенного анализа, все-таки зафиксировать какую-либо современную устойчивую тенденцию, чтобы сделать гражданский оборот более предсказуемым для его участников?

Если, например, стороны, не имея злого умысла и полагаясь на принцип автономии воли сторон, использовали в оговорке о применимом праве в контракте термин «законодательство» (например, следуя формулировке из статьи 11 Соглашения о порядке разрешения споров, связанных с осуществлением хозяйственной деятельности), то как они могут заранее знать, какой из двух диаметрально противоположных подходов применит конкретный состав арбитража? Не означает ли это, что рекомендация автора сторонам *«максимально точно формулировать соглашения»* имеет слабое практическое свойство, а действительное решение проблемы требует унификации правил толкования на уровне арбитражных регламентов или даже законодательного закрепления однозначного понимания термина «законодательство» применительно к соглашениям о выборе права?

Заключение. Диссертационное исследование Новиковой Татьяны Васильевны на тему «Формирование и развитие принципа автономии воли в коллизионном регулировании гражданских отношений, осложненных иностранным элементом» является законченной научно-исследовательской работой, в которой решена научная проблема, имеющая важное значение для науки и практики международного частного права, в том числе социально-экономическое значение, и на основании выполненных автором исследований разработаны теоретические положения, совокупность которых можно квалифицировать как научное достижение. Работа соответствует требованиям, предъявляемым к диссертациям на соискание ученой степени доктора юридических наук, согласно п. 2.1. раздела II Положения о присуждении ученых степеней в федеральном государственном автономном образовательном учреждении высшего образования «Российский

университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы», утвержденного ученым советом РУДН протокол № УС-1 от 22.01.2024 г., а её автор, Новикова Татьяна Васильевна, заслуживает присуждения ученой степени доктора юридических наук по специальности 5.1.3. Частно-правовые (цивилистические) науки.

Официальный оппонент:

Профессор, руководитель департамента правового регулирования бизнеса факультета права Федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», доктор юридических наук, профессор

Ерпылева Наталия Юрьевна

«29» мая 2026 г.

Специальность, по которой официальным оппонентом защищена диссертация: 12.00.03 – Гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право

Почтовый адрес организации: 101000 г. Москва, ул. Мясницкая, д. 20. Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», факультет права, департамент правового регулирования бизнеса

Контактный телефон: +7 (495) 772-95-90 доб. 22761

Адрес электронной почты: nerpyleva@hse.ru

Подпись Наталии Юрьевны Ерпылевой заверяю.

